ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ
В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

Сборник статей
по материалам научно-практического онлайн-семинара,
посвященного 500-летнему юбилею
основания крепости Васильсурск в 1523 году

Нижний Новгород
Свияжск
2024

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
П42

Рецензенты:
д-р ист. наук А. Е. Негин,
канд. ист. наук А. А. Сорокин

Редколлегия:
канд. ист. наук, мл. науч. сотр. ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
археолог Е. В. Четвертаков

П42 Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород; Свияжск, 2024. – 156 с., ил.

ISBN 978-5-4437-1714-2

В сборник вошли статьи археологов и историков, посвященные истории и культуре народов Поволжья в XV–XVI веках и представленные в виде докладов на научно-практическом онлайн-семинаре, 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году. Хронологические рамки определены спецификой периода московско-казанских войн. Сборник предназначается для археологов, историков, музейных работников, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся археологическим наследием народов Российской Федерации.

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)

ISBN 978-5-4437-1714-2
DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2

© Коллектив авторов

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-10

Е. И. Парадеев
независимый исследователь
eparadeev.book@gmail.com

ЯРОСЛАВСКИЙ БЕЛЯК: ЕГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКИХ ЗЕМЕЛЬ

В статье представлен обзор ранее неизвестного в научной литературе беляка, в писцовых источниках XVII в. названного Ярославским. Определено его местонахождение в округе современного города Перевоз Нижегородской области, восстановлены предположительные границы. История беляка соотнесена с князем Ярославом Оболенским, который был пожалован владениями в тех же местах вдоль реки Пьяны в XV в. Упоминания об этом сохранились в материалах докладного судного списка 1509 г. Ярославский беляк является самым северным из известных и уже на раннем этапе (XV в.) относился к нижегородским землям.

Ключевые слова: историческая география, Нижегородский край, бейлик, беляк, ясак, XV–XVII вв.

Термин *беляк* вызывает значительный интерес историков и краеведов с XIX в. Его использование наблюдается в писцовых источниках в XVI – первой четверти XVII вв. в Арзамасском, Кадомском, Темниковском и Алатырском уездах в связи с местным автохтонным населением (мордва, буртасы). В некотором смысле это и территориальные, и административные образования. В них объединялись поселения и лесные бортные и охотничьи угодья исконных местных жителей.

В силу ограниченных сведений о механизмах работы беляков их предназначение, начиная с XIX в., трактовалось по-разному: они рассматривались и как княжения, и как податные объединения, и как ясачные округа. Детальный обзор и анализ, основываясь на значительном источниковедческом анализе по области Мещеры, провели М. М. Акчурин и А. В. Беляков в статье «К вопросу о мордовском беляке», опубликованной в 2017 г. Ими сделан вывод, что «беляки являлись административными единицами, аналогичными по статусу волостям, но находящимися под управлением татарских князей», при этом «понятия беляк и княжение первоначально соответствовали друг другу» (Акчурин, Беляков, 2017. С. 98). В этом есть и определенная территориальная специфика, поскольку в Кадомском и Темниковском уезде было серьезное влияние князей и мурз именно из числа татар с выраженной преемственностью.

Примеры как из Мещеры, так и из соседних территорий Арзамасского и Алатырского уездов указывают на то, что в XVI в. при Иване Грозном права на беляки по отцу среди местной знати подтверждались царскими пожалованиями. Также их могли передать лицам, несвязанным с регионом, например, представителям русских родов. Причем некоторые

передачи зафиксированы уже в XV в. В этом столетии использование термина *беляк* в документах пока не выявлено, что может говорить в пользу его постепенного ввода в оборот в центральных учреждениях с развитием местных администраций в XVI в.

По мнению многих исследователей, слово имеет тюркское происхождение (Акчурин, Беляков, 2017. С. 95; Напольникова, 2017. С. 85) и было в ходу издавна, с высокой вероятностью, как наследие времен Золотой Орды, распространявшей свое влияние и в исторической области Мещеры, и в Посурье. Варианты толкования в тюркских языках: 1) BEGLIG – принадлежащий беку, знатный (ДТС, С. 92), где BEG – правитель, вождь, бек, князь (Там же. С. 91); BEGLIK – бекство; бекское правление, власть бека (Там же. С. 92), иными словами княжение; кыпчакский вариант: бий, бийлик; 2) BELÄK – подарок; гостинец, который привозят домой из путешествия (Там же. С. 93), также BÖLÄK (дар); 3) BÖLÜK – часть, доля; группа (вкл. людей) (Там же. С. 117–118).

Интересно то, что севернее, в землях Нижегородского уезда, деление местного населения на беляки не производилось – здесь выделялись только группы, в том числе и в начале XVII в. В них объединялись по несколько деревень, при этом не сохранилось каких-либо свидетельств, что у них были владельцы, а в конце XVI в. мордва в этих группах считалась служилой (Анпилогов, 1977. С. 76). Один из примеров: вадская мордва, которая проживала в трех деревнях в окрестностях озера Вад и реки Вадок.

В основе же беляков были подсудность местного населения князю или волостелю и обязательства по выплате ясака – подати в пользу владельца. Для обеспечения платежей в сгруппированных между собой деревнях определялись сотники (Акчурин, Беляков, 2017. С. 96). Уже в XVI в. не во всех случаях ясак направлялся только владельцу, некоторая его часть переводилась в казну. Общий механизм схематично представлен на Рис. 1. Первоначально передача беляка или подтверждение права княжения «по старине» были важными составляющими поддержания лояльности местной знати, которая оказалась зажата между Москвой и Казанью. Ряд пожалований последовал и после падения Казанского ханства в 1552 г. Но в дальнейшем персональные ясачные платежи сходят на нет – государству было выгодно переводить местное население под свой контроль. Где-то этот процесс происходил быстрее (Арзамас), где-то медленнее (Алатырь).

Показателен в этом плане Арзамасский уезд – как и в Мещере (Кадом и Темников), здесь существовали местные князья. К таким относится род Шейсуповых (Акчурин, Беляков, 2020; Парадеев, 2020). Основатель рода Тахтамыш Азбердеев, после крещения носивший имя Иван Шейсуп, в 7047 (1538/39) г. был пожалован Иваном Грозным княжением над кардавильской мордвой (ныне существует село Кардавиль, в XVI-XVII вв. – мордовская деревня, относившаяся к Кирдяновскому беляку) с выплатой ему ясака и возможностью

осуществления суда. При этом до жалованной грамоты такое же право уже было за его отцом Азбердеем, т.е. князь Иван Шейсуп закрепил за собой княжение «по старине». В 7064 (1555/56) г. последовало подтверждение вотчинных прав уже после завоевания Казанского ханства, которое в тексте отказной книги связано с «началом» села Казаково, вотчины и места проживания Шейсуповых в дальнейшем. Оно было закреплено («подписано») на изначальной грамоте 7047 (1538/39) г. Из сведений, представленных в отказной книге, следует, что в этом населенном пункте при жизни князя была построена церковь. Поскольку в подписи 7064 (1555/56) года он назван еще Тахтамышем, то крещение его и строительство церкви, вероятно, произошло позднее. После смерти Ивана Шейсупа в 7076 (1567/68) г. вотчина была пожалована его детям – Борису и Давыду. Они же на какое-то время сохранили за собой право на княжение над кардавильской мордвой.

Еще один значимый пример – история самого Кирдяновского беляка. Так, к концу XV в. относятся свидетельства о Кирдановой (иначе Кирдановской) мордве. Ей посвятил одну из статей историк и археограф Александр Александрович Гераклитов, где им сделан анализ двух источников: (1) отписки Федора Хованского, муромского наместника, о приезде ногайских послов, которые следовали от Волги через мордовские земли к Мурому в 1489 г., и (2) жалованной грамоты Никите Васильеву сыну Ознобишину 1491 г. (Гераклитов, 1927). Упоминаемую в них Кирданову (Кирдановскую) мордву А. А. Гераклитов локализовал ближе к верховьям Теши. К такому выводу он пришел, опираясь на маршрут движения послов, который представлен лишь в общих чертах. Но писцовые книги подтверждают, что, в целом, ученый был очень близок к истине. По книге 1620-х гг. довольно четко определяется связанный массив Кирдяновского беляка в границах современного Шатковского МО Нижегородской области: Кардавиль, селища на месте Понетаевки, Корино, Пакстяново (Пасьяново) (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8). Все они были в Утишном стане около бывших Шатковских ворот (проход в засечной черте), то есть несколько севернее верховий Теши. Еще одна деревня (Байкова на Рудне), отнесенная к тому же беляку, в силу своей удаленности и малого размера могла возникнуть в результате переселения в XVI в. мордвы в свои угодья на Алатыре.

Н. В. Ознобишин получил права на Кирдановскую мордву в 1491 г. после некоего Митьки Пана. Термин «беляк» не использован, определена группа мордвы (схоже с группированием нижегородской мордвы в более позднее время). Текст грамоты следующий:

Се яз, князь великий Иван Васильевич всея Русии, пожаловал есми Никиту Васильева сына Ознобишина мордовою Кирдановскою в кормление под Митькою под Паном. И вы, все люди тои мордвы, чтите его и слушайте, а он вас ведает и ходит по старой пошлине, как было преж сего. А дана грамота лета 99, мая (Новиков, 1790. С. 12–13).

В этой передаче можно видеть общие черты с жалованием волостей в кормление. А сам Ознобишин в отличие от местной знати в лице князя Ивана Шейсупова является рядовым волостелем с временными правами на «корм» в великокняжеских владениях. В настоящий момент не определено, когда и кто его сменил.

В дальнейшем известно, что 10 апреля 1555 г. Кирдяновский беляк (и здесь уже применен этот термин) был пожалован на княжение Исенею Бутакову (связан с Кадомом), при этом ранее он числился за Сумороком Муратовым сыном Телеикшейкова (Акчурин, Ишеев, Абдиев, 2021. С. 299). Время этого пожалования совпадает с тем, когда подтвердили вотчинные права князя Шейсупова на кардавильскую мордву – 7064 (1555/56) г. Здесь встает вопрос, как именно произошло разделение между ними, если деревня Кардавиль также впоследствии в первой четверти XVII в. отнесена к тому же беляку. Одно из предположений, что ясак мог дробиться между отдельными владельцами, и внутри самого беляка выделялись мордовские ясачные группы, поскольку Исенею досталась рзянская (арзянская) мордва, а князю Шейсупову – кардавильская. Это тот вопрос, который еще предстоит окончательно прояснить.

Важно отметить, что определение «рзянская» вызывает много вариантов трактования вплоть до связи с этнонимом «эрзяне». В более поздних книгах не упоминаются схожие по звучанию топонимы (по аналогии Кардавиль – кардавильская), но в грамоте из Нижегородского, Мещерского и Казанского дворца от 1559 г. сказано, что она была адресована в «кирдяновскую мордву в Арзян сотникам Шонге Тарханову, Молсапе Ономасову, Кузовату Олепину и всей кирдяновской мордве» (Акчурин, Беляков, 2017. С. 98), поэтому существование названия «Арзян» подтверждается, хотя и не до конца понятно, что это – местность или некое крупное поселение. При этом получается, что рзянская (арзянская) мордва также именуется кирдяновской.

Согласно пожалованию 1555 г., половину ясака, взымаемого с местной мордвы, Исенею предписывалось передавать сыну Суморока Пивтею и его брату Степану Шатку, принявшему христианскую веру («новокрещену»). 16 апреля 1559 г. беляк уже пожаловали брату Исенея – Дивею (Акчурин, Ишеев, Абдиев, 2021. С. 299–300). Распределение ясака сохранялось неизменным. С точки зрения управления мордвой интересен связанный с этим событием акт (Акчурин, Ишеев, Абдиев, 2021. С. 300), а именно грамота трем сотникам Кирдяновского беляка от того же 16 апреля 1559 г., подлинник которой содержал печать дворецкого Михаила Ивановича Волынского-Вороного и подпись дьяка Федора Фатьянова. В самом акте дворецкий ошибочно назван Волхонским, поскольку до нас дошла лишь поздняя копия документа с подменой. Таким образом, учреждением, где был оформлен акт, являлся Нижегородский, Мещерский и Казанский дворец. Дьяк же Ф. Фатьянов в связи с этим

областным дворцом не упоминается ни в одном из справочников; у С. Б. Веселовского ничего не сказано о его карьере с 1557 по 1566 гг., но к тому времени он уже точно дослужился до дьяка (см. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 537–538).

По пожалованию 1559 г. мордовским жителям предписывалось подчиняться Дивею и выплачивать ему ясак. Неизвестно, когда точно произошел вывод мордвы из-под князей (Бутаковых и Шейсуповых). Это могло произойти уже в ранние годы существования Арзамаса и Арзамасского уезда, т.е. в 1570-е гг. Время такого перехода еще предстоит выяснить окончательно. В писцовой книге Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг. имеется указание на беляки, но оно не несет никакой смысловой нагрузки – по ним не группируется ясак отдельных поселений, не выделены никакие другие владельцы, то есть он направлялся в государственную казну (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8). Более того, наименование беляков имеется лишь для небольшого количества мордовских деревень, преимущественно, в Утишном стане, т.е. в западной части уезда.

Под Арзамасом определены прямые соотнесения поселений со следующими беляками: Кирдяновский (4 деревни: Корино, Кардавиль, Пакстяново в Утишье и Байково в Залесном стане; также на месте Понетаевки были «кирдяновские» селища), Моргальский (3 деревни: Кужендеево, Комодеево / Погиблово, Сыресево), Саконский / Саканский (2 деревни: Камкино и Большой Макателем). При их реконструкции следует учитывать, что мордва могла переселяться, в том числе в свои бортные угодья. К примеру, Сыресево находилось уже в 1582 г. на Ирже (Арзамасские поместные акты… С. 11), но известно в округе и Старое Сыресево, переданное русским помещикам (ныне – д. Малые Паны Ардатовского МО). Вполне вероятно, это связанные поселения, а переход мордвы на раннем этапе в XVI в. позволил сохранить наименование беляка в писцовых источниках. Впоследствии при учете земель писцы Т. Измайлов и Н. Чаплин в 1620-е гг. использовали в качестве «приправочной» книгу Игнатия Зубова 1580-х гг., откуда, по-видимому, и заимствовали названия беляков для некоторых поселений. Небольшая деревня Байково на Алатыре, расположенная на значительном удалении от остальных поселений Кирдяновского беляка, также является с высокой вероятностью примером раннего ухода мордвы в бортные угодья.

Наконец, в Арзамасском уезде в Утишном стане есть и еще одна деревня с указанием беляка – Пинетаева (ныне – с. Понетаевка). Относилась к Мещерскому беляку, но в данном случае, скорее всего, была подмена истинного названия, и в нем отразилось, что ее население – пришлые с Мещерского уезда, примерно в 1570-е гг. разделенного на ряд меньших уездов, среди которых Кадомский и Темниковский. Но нельзя исключать и то, что действительно был и Мещерский беляк (возможно, малый по размерам), который не прослеживается пока по остальным источникам. Более того, не ясно, откуда переселилась пинетаевская мордва,

известно, что их угодья были связаны с жителями деревни Лобаски, проживавшей на рубеже XVI–XVII вв. в округе села Тольский Майдан и относившейся к Арзамасу. Но ясак пинетаевцы платили в Кадом. При этом жители Пинетаевой обосновались на «кирдяновских» селищах, т.е. доставшиеся им земли исторически относились к описанному выше Кирдяновскому беляку.

В Залесном стане Арзамасского уезда (восток и юго-восток от Арзамаса), кроме деревни Байково на р. Рудне, ни одно поселение напрямую не соотнесено с беляками. Тем не менее, как показывает дальнейший анализ, здесь был еще один беляк на берегах реки Пьяны – Ярославский, самый северный из всех известных.

Вместе с тем, для полной картины необходимо рассматривать регион в целом вне зависимости от границ более поздних уездов. В таком случае одним из крупных беляков является Сулеменский, он включал целый ряд деревень в Алатырском уезде (Мордовский фронтир…). Многие поселения беляка находятся в округе рек Саля и Меня, что вполне может объяснить его название. Именование беляков по гидронимам достоверно происходило – по книгам Алатырского уезда, например, известен Лашинский беляк по реке Лаше. Еще одно небольшое образование в северной части – Новатский (Навацкий) беляк в округе села Наваты Пильнинского МО Нижегородской области. Поселение находится у оз. Нават, по которому и получило название, а по поселению уже, по-видимому, был назван и беляк.

В Алатырском уезде, в отличие от Арзамасского, даже в начале XVII в. встречается указание на выплаты с угодий отдельных беляков ясачных денег как в пользу государя, так и в пользу кого-то из князей. При этом сами эти князья, видимо, жили в XVI в. Например, мордовский князь Куломза Московов из рода Ромадановских (Ромадановых) известен по грамоте 1572 г. (Демидов, 2017. С. 94), а в писцовой книге 1620-х гг. значится «князь Куломзин ясак» с угодий Тургаковского беляка (Мордовский фронтир… С. 245, 247). Быть может, он ещё оставался как-то связан с потомками Куломзы, ведь в книге записан мурза Елуш Куломзин и связан с тем же беляком.

Благодаря сохранности писцовых книг 1620-х гг. беляки также прекрасно восстанавливаются и по Кадомскому уезду. Из числа наиболее северных, расположенных в Примокшанье, можно отметить: Чепчерянский (Чепчерский), Малая Чепчера, Еректинский (Беляков, 2013). В этом уезде в 1620-е гг. мордва распределяется (группируется) по белякам, по ним подводятся итоги по оброку и ясачным деньгам, но не более. Это говорит в пользу того, что к тому моменту механизм выплат персональных ясаков перестал в данном регионе функционировать в отличие от более раннего периода времени.

Все известные северные беляки, включая восстановленный в этой статье Ярославский, показаны на Рис. 2. Территориальная целостность беляков, как мы видим, в некоторой степени условна. В большинстве случаев можно выделить основное скопление поселений – «ядро», но

есть и деревни, расположенные далеко от других – «выбросы». К таким относится, например, деревня Виртьяново Еректинского беляка (в границах современного Дивеево) или уже упомянутая Байково Кирдяновского беляка (на р. Рудне, притоке Алатыря). Наиболее вероятное объяснение связано с миграцией. Мордва уходила на проживание в свои бортные угодья, которые могли быть расположены на удалении в десятки километров. При переселении в XVI веке, пока это было актуально, связь с беляком сохранялась и заносилась в писцовые книги.

При формировании уездов не во всех случаях их границы совпадали с границами беляков. Так, известно, что Еректинский беляк отмечен и в Кадомском, и в Темниковском уездах преимущественно вдоль Мокши. А вот крупный Сулеменский полностью остался в Алатырском, хотя некоторые его поселения лежат прямо у границ с Арзамасским. В случае с восстановленным в настоящей работе Ярославским беляком можно видеть, что часть его осталась в Нижегородском уезде, часть перешла к Арзамасу, а еще один вероятный участок стал числиться за Курмышом. Это объясняется, вероятно, тем, что при формировании уездов прежние территориальные образования были вторичны, а в случае с местным населением ключевое значение играло распределение ясака. Значимым примером является перевод ясачных платежей с Талдемского (Тялдемского) беляка в Шацк, хотя относившиеся к нему поселения были в Кадомском уезде. Схожие манипуляции с платежами могли быть и на уровне отдельных деревень. Так, например, жители деревни Пинетаевой, которые отнесены к некоему Мещерскому беляку, платили ясак в Кадом, несмотря на принадлежность к Арзамасу.

Наконец, прослеживаются пространства без беляков. Где-то это легко объяснимо. Например, восточная часть Алатырского уезда была большей частью диким полем, а в основе доходных промыслов местного населения все-таки лежали лесные бортные и охотничьи угодья. Но необычно пустым выглядит пространство от Пьяны вплоть до современного города Лукоянова. Безусловно, здесь также были мордовские поселения. Более того, вдоль самой реки Пьяны существовали деревни служилой мордвы Нижегородского уезда, отдаленные от основной его территории – это Пилекшево и Ичалово (Ичалки), далее в границах Курмышского уезда находилась деревня Якшень (ныне – Малая Якшенка), следом шли владения мордовских князей и мурз (Княж-Павлово, Чембасово), далее поместные земли, ранним владельцем которых был, вероятно, кто-то из местных по имени Первуша Кишкильдеев (Арзамасские поместные акты… С. 314), наконец, мордовская деревня Пищасово (изначально – служилая мордва, затем ясачная) и вновь мордовские князья и мурзы из числа еделевских (с. Ново-Еделево) (Арзамасские поместные акты… С. 107–108). То есть наблюдается присутствие местной знати, скорее всего, пребывавшей в этой местности по

старине. Сюда же можно предварительно отнести и Князь-Лукьяново в Межпьянье, в 1620-е гг. учтенное уже как погост (Пудалов, 2022. С. 131).

Есть следующие варианты – либо же здесь все-таки были свои беляки, но сведений о них не сохранилось, либо же существовали некие более крупные великокняжеские волости, например, в источниках упоминается Пьянская. Вполне вероятно, что истина где-то посередине и было смешение относительно небольших беляков, следы которых затерялись и пока не обнаружены, и больших по размеру волостей, доход с которых шел в казну, а не местной знати.

В этой связи весьма интересен Ярославский беляк, местоположение которого на Пьяне удалось восстановить путем объединения информации из целого ряда источников и сведений об исторической географии по землям, распределенным к XVII в. по разным уездам. Он был расположен на западе от г. Перевоз: частью в Межпьянье – петле, которую формирует Пьяна, поворачивая с запада на восток, частью на северном берегу этой реки.

Его первое известное упоминание в литературе встречается в опубликованной С. Б. Веселовским нижегородской приходной книге 7116 (1607/08 г.), где сказано, что некто Васька Анасев платит оброк с 5 знамен Ярославского беляка (Нижегородские платежницы… С. 60). Какие-либо уточнения по его географическому местоположению не приведены, но рядом указаны другие бортники и мордва из числа жителей деревни Шершово (ныне – село городского округа Перевозский). Само Шершово к 1620-м гг. уже относилось к русским поместным владениям в Нижегородском уезде, но в начале XVII в. было мордовским и бортным поселением, что подтверждается актом №162 от 28 мая 1602 г. в сборнике С. Б. Веселовского (Арзамасские поместные акты... С. 215).

Из-за того, что упоминание беляка единственное, а ориентиров для его местоположения не приведено, он не привлекал внимание исследователей. Тем не менее, имя Ярослава известно в той же местности, и связано оно с более ранним временем – с XV в.

В докладном судном списке 1509 г., академическая публикация которого с комментариями выполнена А. В. Антоновым и Б. М. Пудаловым, содержатся свидетельства того, что в 1470-е гг. Нижегородский Печерский монастырь владел обширными территориями в Межпьянье вдоль реки Пьяны между ее притоками Чергаткой и Кетаршей (Максин [Антонов], Пудалов, 1998). Здесь находилось два монастырских села: Полянское (Поляна) и Колодливское, а также слободка Фоминская. В этих землях позднее появится поселение Перевоз, ставшее впоследствии городом. Поляна (в старину – Полянское) – ныне село ГО Перевозский. Село Колодливское находилось примерно на месте деревни Коноплянки под городом Перевоз, названо так по одноименному озеру. А Фоминская слободка была расположена в округе урочища Васильки около р. Кетарши (Парадеев, 2022. С. 48).

Земли еще раньше, в 1440-е гг., передал некто Юрий Алачин после монашеского пострига. В источниках он же именуется «новокрещеном», т.е. принявшим христианство иноверцем. Сведения о передаче им земель содержатся непосредственно в материалах, включенных в докладной судный список. Свидетели при установке границ в правой грамоте 1475–1479 гг. сообщили следующее: «Мы, господине, помним лет за полчетвертатцать, что те земли Полянская и Колодливская и Фоминская слободка были Юрьевы Алачина. Да как Юрьи постригся в Печерском манастыре, ин те земли подавал в манастырь в Печерьской – тому, господине, лет с полчетвертатцать» (Максин [Антонов], Пудалов, 1998. С. 117). В данном случае речь идет о 35 годах до момента оформления грамоты, т.е. примерно 1440–1444 гг. В той же грамоте о вкладе в монастырь тех же земель Ю. Алачиным сообщил архимандрит Павел (Там же. С. 116). Эти свидетельства помогли исследователям приблизительно датировать и документ, известный только по описи дел Нижегородского Печерского монастыря за 1701 г.: «Даная Юрьи Алачина на деревню Поляну и на угодье, что он дал вкладу Печерского монастыря архимандриту Иосифу з братьею тое деревню Поляну; за ево печатью; а в котором году, того в той даной не написано» (Там же. С. 113). К 1470-м гг. эта деревня уже стала селом Полянским (ныне – Поляна). Она была населена исстари монастырской мордвой, которая, по-видимому, представляет изначальное население владений Ю. Алачина, переведенное в вотчину монастыря.

Помимо этого, он же передал и монастырское село Ягодное на северном берегу Пьяны, земли которого простирались от р. Шершовки до р. Курача, образуя цельный массив с землями на южном берегу в окрестностях деревни Поляны (Полянской). Подтверждается это следующей цитатой из монастырского синодика: «по Юрье по Лачинове по Новокрещене. А дал по своей душе в Печерской монастырь село Ягодное и с деревнями» (Чтения ОИДР… С. 4). Принимая во внимание размер и целостность переданных Нижегородскому Печерскому монастырю владений, они вполне могли быть изначально неким княжением, на основе которых в иных местах, вероятно, формировались известные беляки, но это то, что еще предстоит окончательно подтвердить. По его западной границе, как показано далее, пролегал другой обширный массив, где беляк все-таки был сформирован.

Так, в состав судного списка 1509 г. входит текст более ранней правой грамоты суда нижегородского ключника Василия Еврея, датированной А. В. Антоновым и Б. М. Пудаловым 1475–1479 гг. В ней приведены сведения того периода времени о границах владений Нижегородского Печерского монастыря в Межпьянье, которые доказывают, что на западе от Чергатки находились владения князя Ярослава Оболенского. Начало описания следующее:

И повел архимандрит Павел з братьею по меже от Пьяны рекы от усть Шаршата врага въверх по Шаргату врагу.

И Еврей так рек: То, архимандрит Павел, ведешь меня по меже; сказывай ж мне, с кою руку земля великого князя, с кою руку земля ваша манастырская.

И архимандрит з братьею тако ркли: Налеве Шаргата врага земля Печерского манастыря, а направе Шаргата врага земля княжо Ярославова Оболенского.

Проверка межи началась от устья оврага Шаргата (ныне – р. Чергатка), впадающего в Пьяну. При подъеме по нему к его началу «по левую руку», т.е. с востока, расположены монастырские владения, а «по правую» (с запада) – князя Ярослава Оболенского.

Далее от верховий оврага Шаргата (Чергатки) описывается продолжение границ в восточном направлении к р. Кетарше, притоку Пьяны. Но здесь уже с правой (южной) стороны находятся великокняжеские земли:

Да с верх Шаргата врага налево поперек раменья на старые знамена на бортные к речке х Кадарши – налеве по раменью земля Печерского манастыря Полянская и Колодливская и Фоминские слободки, а направе земли великого князя.

Следом граница спускается по Кетарше, которая разграничивает монастырские и великокняжеские владения:

Да по речке по Кардаше вниз ко Пьяне реце – налеве Кадарши земля манастырская Полянская и Колодливская и Фоминские слободки, а направе земля великого князя.

Последний сегмент границ пролегает по Пьяне и оканчивается на устье Чергатки. С северного берега реки также располагались владения великого князя:

Да по Пьяне реце вверх к тому ж усть Шаргату врагу – налеве Пьяны реки земли манастырьские Полянская и Колодливская и Фоминские слободки, а направе земли великого князя.

Здесь в заключительном фрагменте существует еще один вариант окончания по копии докладного судного списка: «вверх по Пьяне реце от реки Курача до устья реки Шершовки земли манастырские села Ягодново» (Максин [Антонов], Пудалов, 1998. С. 119. Сноска 10). В целом, они даже в некоторой степени дополняют друг друга.

Границы вдоль водотоков реконструируются легко, хотя и не без оговорок. В них есть некоторая условность, поскольку в верховьях малые речки (Чергатка и Кетарша) имеют несколько притоков, и неясно, по какому из них шла межа. Но Фоминская слободка находилась на месте или в ближайшей округе урочища Васильки, поэтому, вероятно, граница 1470-х гг. пролегала по левобережному притоку Кетарши, впадающему в нее чуть южнее этого урочища. Он находится примерно на одной широте с верховьями Чергатки. Поэтому можно их соединить, получив условную южную границу. А вот продолжение межи по Кетарше до ее устья и по Пьяне к устью Чергатки уже определяется однозначно. Восстановленный

земельный массив с информацией о смежных землевладельцах приведен на Рис. 3. Владения Ярослава Оболенского были с запада, за Чергаткой.

Этот князь более всего известен как наместник псковский и воевода. Отношения его с псковичами складывались весьма непросто. Они постоянно молили великого князя отозвать Ярослава Васильевича с Пскова в связи с беспрестанными конфликтами с ним. Но это особо ему не мешало. По-видимому, где-то в 1470-е гг. он получил пожалование внутри нижегородских земель в Межпьянье, которые, как показано выше, находились западнее р. Чергатки. В 1487 г. князь скончался, но его имя закрепилось за этими владениями. Подтверждение этому содержится опять же в докладном судном списке. В 1509 г. на суде присутствовали «мордва княж Ярославовы ясатчики Кендесь Судесев сын да Пыресь Алгамасов сын» (цитата взята из первоисточника: РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7943. Л. 1а об.). В данном случае под «ясатчиками» следует понимать плательщиков ясака. Князя к этому времени давно уже не было в живых, но схожие конструкции встречаются и в Мещере, когда владения уже умершего владельца продолжают с ним соотноситься. Например, Каракчеевский беляк упомянут в 1620-е гг., когда как сам князь Каракчеев жил в XVI в. (Акчурин, Беляков, 2017. С. 97).

Спустя полвека непосредственно на западе от владений Нижегородского Печерского монастыря имени Ярослава уже не упоминается. Дело в том, что к тому моменту произошло перераспределение земель, монастырские владения серьезно сократились и представляли собой на южном берегу лишь небольшой «клин» шириной 4–6 км, ограниченный с запада Чергаткой, а с востока оканчивающийся напротив устья Курача. Для сравнения: в XV в. граница монастырских владений пролегала между устьями Чергатки до Кетарши, а это около 25 км по прямой. Значительно уменьшившиеся владения монастыря из-за его связи с Нижним Новгородом в Арзамас не переводились и оставались в дальнейшем частью Нижегородского уезда. А вот в высвобожденных землях в 1560-е гг. производилось массовое испомещение нижегородских помещиков (Парадеев, 2022), которые затем окажутся переведены в Арзамасский уезд с момента его появления (1570-е гг.). Те же процессы, коснулись, по-видимому, и бывших владений князя Ярослава Оболенского. Таким образом, земли с западного берега Чергатки получил некто Третьяк Федоров сын Семенов, а чуть южнее – Иван Данилов сын Смагин.

Об этом сказано в разъезжей грамоте от 10 июля 1562 г., оформленной дьяком Дементием Слугиным: «а з другую сторону межа монастырской ж земле Печерского ж монастыря Полянского села с царя великого князя с поместною землею нижегородцких пновых помещиков от Ивана Данилова сына Смагина з братьею от того ж верховья Кемарского врага и от березы и от дву ям против Кемарского врага к дубу з гранью, да от дуба

к черному лесу, да черным лесом прямо по гранем к Явилейского врага верховью, да вражком Явилеем вниз к Чаргату врагу, да Чаргатом вниз к реке ко Пьяне, направе земля монастырская Печерского монастыря селца Полянского, а налеве земля, и лес, и всякие угодья царя великого князя нового помещика Третьяка Федорова сына Семенова» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7959. Л. 2).

В данном случае движение по меже производится от верховий Кемарского оврага, далее через лес к верховьям Чергатки, точнее одному из ее ответвлений – Явилею (буквально означает «Порубежный ручей», от эрз. *явомс* – делить, *лей* – ручей), отсюда вниз к самой речке и по ней к устью, поэтому слово «налеве» означает с западной стороны. В писцовых книгах 1620-х гг. по Арзамасскому уезду находим, что на устье речки появится деревня Чергат(ь) (Писцовая книга… С. 128). Это надежный ориентир для владения Т. Ф. Семенова, а поместье И. Д. Смагина, вероятно, находилось там, где позднее появится д. Заключная (соответствует приведенному выше описанию границ).

С запада от этих поместий сохранялся обширный массив мордовских земель, включающий в себя две деревни Арзамасского уезда: Ревезень и Кирдюшево (Мормыжево). Современные ориентиры для них – села Ревезень и Мармыжи ГО Перевозский. При изучении писцовой книги по мордовским деревням Арзамасского уезда 1620-х гг. удалось обнаружить важные сведения, благодаря которым стало понятно, что Ярославский беляк был связан с ними, а также с ранее упомянутой деревней Шершово, находившейся напротив Ревезени на северном берегу Пьяны.

Оказалось, что в 1620-е гг. жители мордовской деревни Кирдюшево (Мормыжево) Арзамасского уезда бортничали в Шершовском бортном угодье: «Тое ж деревни Кирдяшовы, Мормыжовы, за мордвою бортной ухожей Шершовской Ерославского беляка» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8. Л. 213). В первоисточниках подтверждается прямая связь между Кирдюшево (Мормыжево) и Шершово. В 1562 г. в разъезжей грамоте землевладений шершовской мордвы с Нижегородским Печерским монастырем представителем выступил Кирдюш Мормыжев (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7959). Поскольку Шершово в первой четверти XVII в. перешло в русские земли, Кирдюш, очевидно, перебрался южнее в бортные угодья и стал основателем поселения в Межпьянье.

Наконец, Кирдюшево (Мормыжево) существовало в тесной связи с соседней деревней Ревезень, поскольку их жители ходили в одни угодья и совместно платили оброк. К этой деревне относились значительно большие по площади земли вдоль Пьяны. Между двумя поселениями существовала вставка села Шильниково (Сосновское), но границы мордовских деревень соприкасались, что позволяет предположить, что была изначальная целостность массива, и помещики просто оказались размещены внутри некогда единого контура. Наконец,

стоит обратить внимание и на границы Шершово. С востока они хорошо известны, в частности, в грамоте 1562 г. указано, что граница шла по речке Шершовке. А с запада стоит обратиться к более поздним картам, чтобы увидеть, что вдоль берега Пьяны участок земель поселения был нешироким, но севернее в лесной части значительно расширялся. На западе находились земли деревни Тилинино (она же – Михайловская), относившейся к Курмышскому уезду. И можно видеть, что контур западной границы Шершово переходит в границу Тилинино, а на другом берегу реки Пьяны с ней соприкасается уже граница Ревезени.

Учитывая, что жители Кирдюшево (Мормыжево) ходили в угодья Ярославского беляка, как и жители Шершово, а Ревезень была с ними связана – мы можем предположить, что это и есть Ярославский беляк, образующий в территориальном плане весьма цельный массив, за исключением вставок поместных земель – Шильниково (Сосновское) и Тилинино (Михайловское). Но поместья могли быть вписаны в эти места значительно позднее с русской колонизацией, начавшейся с 1560-х гг. Владения Ярослава Оболенского начинались западнее Чергатки, поэтому сюда же следует отнести и земли поместной деревни Чергать. Общий контур представлен на Рис. 4. Как мы видим, получается весьма связанный и значительный по размерам участок. С востока с ним граничат владения Нижегородского Печерского монастыря, которые были переданы в монастырь в 1440-х гг. новокрещеном Ю. Алачиновым.

Ярославский беляк весьма интересен и дополняет уже известные сведения о беляках в Арзамасском уезде, а также в смежных с ним исторических территориях. Он расположен ближе всего к Нижнему Новгороду в той области, где на текущий момент другие похожие образования неизвестны. Его представителями было автохтонное население из мордвы, что подтверждается именами ясатчиков в начале XVI в. Известен и ранний владелец XV в. – князь Ярослав Оболенский, который, по-видимому, получил право на временное взыскание ясака в свою пользу по аналогии с кормлением с волостей. При этом он не является местным князем (татарским или мордовским), и его пожалование схоже с тем, что было в 1491 г. предоставлено Н. В. Ознобишину над Кирдановской мордвой (позднее – Кирдяновский беляк).

Показательно, что при переформатировании нижегородских земель и выделении в них в дополнении к Нижегородскому также Арзамасского и Курмышского уездов, поселения утратившего свое значение Ярославского беляка в начале XVII в. оказались распределены по разным уездам. Благодаря сведениям из писцовых книг и других источников можно уверенно соотнести с первоначальными владениями Ярослава Оболенского такие населенные пункты, как Шершово, Ревезень и Кирдюшево (Мормыжево). Сюда же, вероятно, добавляются и некоторые поместные владения, которые являются более поздними вставками, связанными с русской колонизацией, начавшейся с 1560-х гг. Объединение всех их границ формирует

единый связанный контур, что говорит в пользу целостности беляка в прошлом как территориального образования.

Список источников и литературы

Акчурин М. М., Беляков А. В. Мордовские беляки и татарские князья // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. №1. С. 94–101.

Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 316 с.

Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М., 1915. XVI, 738 с.

Беляков А. В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марждани АН РТ. 2013. С. 154–210.

Гераклитов А. А. «Кирдановская» мордва // Изв. Краевед. ин-та изучения Южноволж. обл. Саратов, 1927. Т. 2. С. 3 (Отдельн. оттиск).

Демидов А.Н. Грамота царя Иоанна Васильевича мордовским князьям и мурзам Алаторского и Арзамасского уездов 1572 года // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск. 2017. Т. 11. № 2. С. 89–97.

Мордовский фронтир в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII в.) / сост.: В.Д. Кочетков, Н.В. Заварюхин, С.В. Видяйкин, М.М. Акчурин. Саранск, 2017. 400 с.

Максин В.А. [Антонов А.В.], Пудалов Б.М. Докладной судный список 1509 года из архива Нижегородского Печерского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 114–119.

Напольникова П.К. К вопросу о мордовском беляке // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов. 2017. Т. 22. Вып. 2 (166). С. 82–88.

Нижегородские платежницы 7116 г. и 7120 г. / Под ред. С. Б. Веселовского // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Вып. 7. 1910. 284 с.

Парадеев Е. И. Отказная книга княгине Марье Шейсуповой с детьми на часть села Казаково Арзамасского уезда от 22 октября 1627 года // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. №. 12. С. 115–122.

Парадеев Е. И. Писцовые книги Григория Сукина, Неклюда Девочкина и дьяка Дементия Слугина начала 60-х гг. XVI века по нижегородским землям, вошедшим в Арзамасский уезд // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции (24–25 февраля 2022 г.) / Отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. С. 31–54.

Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг.: в 2 т. / сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород: Центр. архив Нижегородской области, 2022. Т. 2. 353 с.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7943.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7959.

Чтения ОИДР. 1868. Кн. 1. Смесь. С. 4

ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8.

Два варианта пожалований: подтверждение прав на получение ясака по отцу или независимые пожалования. При отсутствии владельца беляк, вероятно, находился в ведении дворцового приказа.

Рис. 1. Механизм работы беляка (XVI в.). Схема.

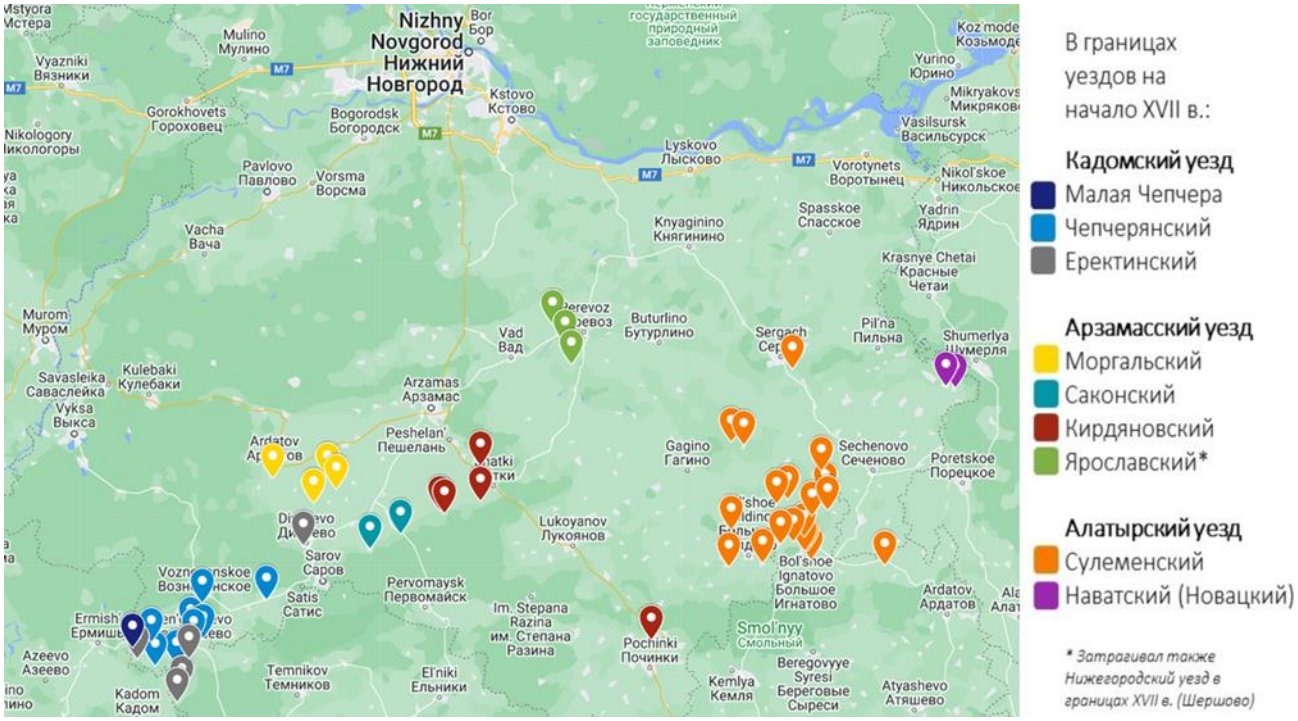

Рис. 2. Карта северных беляков, относившихся позднее к Кадомскому, Арзамасскому и Алатырскому уездам.

Рис. 3. Земли Нижегородского Печерского монастыря в 1470-е гг. и смежные землевладельцы (картографическая основа – Яндекс Карты).

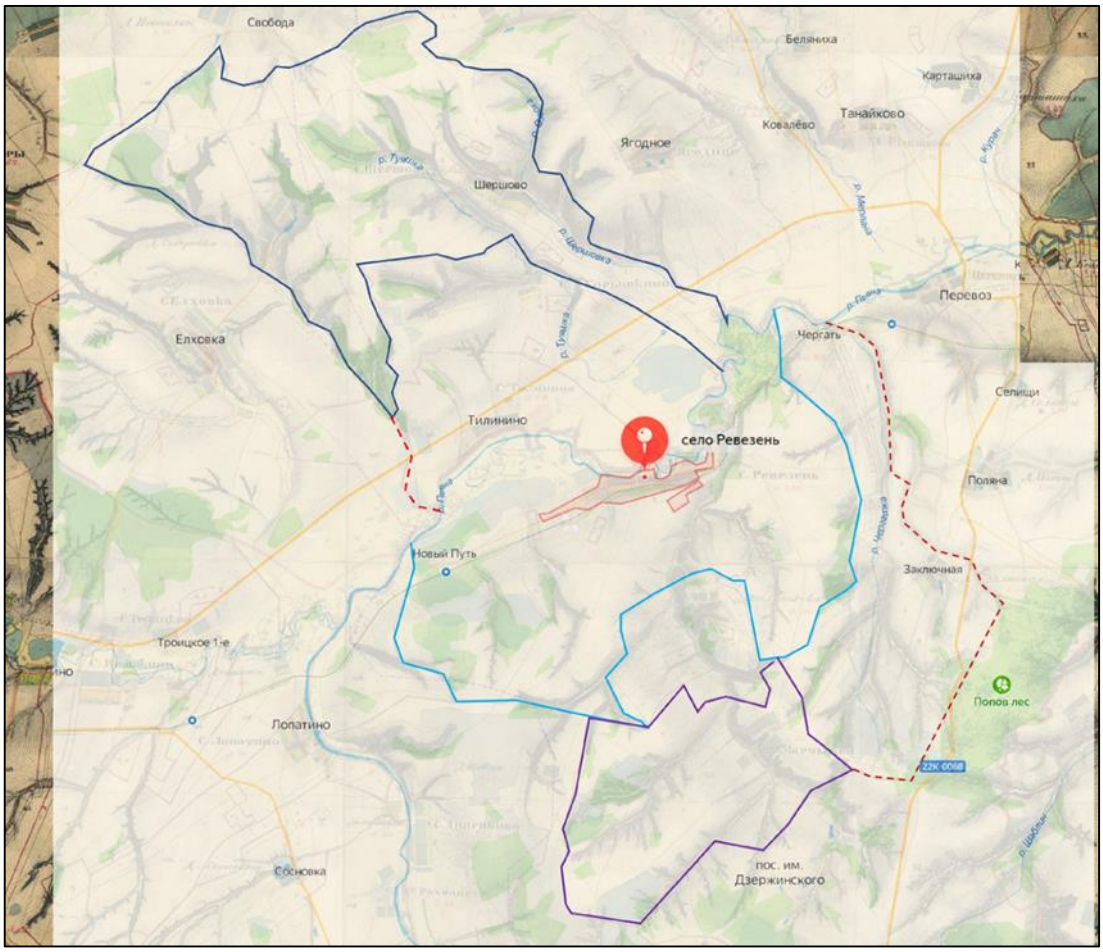

Рис. 4. Контуры границ: темно-синим – Шершово, голубым – Ревезень, фиолетовым – Кирдюшево (Мормыжево), красный пунктир с запада – Тилинино (Михайловское), красный пунктир с востока – Чергать и Заключная, между землями Ревезени и Кирдюшево (Мормыжево) – Шильниково (Сосновское).